
OCR, spellcheck: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, 16 декабря 2004 г.

I

Я давно хотел начать свои записки. Странная причина заставляет меня взяться за перо: иные пишут свои мемуары потому, что в них много интересного в историческом отношении; другие потому, что им еще раз хочется пережить счастливые молодые годы; третьи затем, чтобы покляузничать и поклеветать на давно умерших людей и оправдаться перед давно забытыми обвинениями. Ни одной из этих причин у меня нет. Я еще молодой человек; истории не делал и не видел, как она делается; клеветать на людей незачем и оправдываться мне не в чем. Еще раз пережить счастье? Оно было так коротко, и конец его был так ужасен, что воспоминания о нем не доставят мне отрады, о нет!

Зачем же точно неведомый голос нашептывает мне их на ухо, зачем, когда я просыпаюсь ночью, передо мною в темноте проходят знакомые картины и образы, и зачем, когда является один бледный образ, лицо мое пылает, и руки сжимаются, и ужас и ярость захватывают дыхание, как в тот день, когда я стоял лицом к лицу с своим смертельным врагом?

Я не могу отделаться от своих воспоминаний, и странная мысль пришла мне в голову. Может быть, если я изложу их на бумаге, я этим покончу все свои счеты с ними... Может быть, они оставят меня и дадут спокойно умереть. Вот странная причина, заставляющая меня взяться за перо. Может быть, эта тетрадка будет прочтена кем-нибудь, может быть – нет. Это мало занимает меня. Поэтому я могу и не извиняться перед своими будущими читателями ни в выборе темы для своего писания, темы, несколько не интересной людям, привыкшим заниматься если не мировыми, то общественными вопросами, ни в форме изложения. Правда, мне хочется, чтобы эти строки прочел один человек, но этот человек не осудит меня. Ему дорого все, что меня касается. Этот человек моя сестра.

Отчего она сегодня так долго не идет? Вот уже три месяца, как я пришел в себя после того дня. Первое лицо, которое я увидел, было лицо Сони. И с тех пор она проводит со мной каждый вечер. Это сделалось для нее какой-то службой. Она сидит у моей постели или у большого кресла, когда я в силах сидеть, разговаривает со мною, читает вслух газеты и книги. Ее очень огорчает, что я равнодушен к выбору чтения и предоставляю его ей.

– Вот, Андрей, в "Вестнике Европы" новый роман: "Она думала, что это не так".

– Хорошо, голубчик, будем читать "Она думала, что это не так".

– Роман миссис Гей.

– Хорошо, хорошо...

И она начинает читать длинную историю о каком-то мистере Скриппле и мисс Гордон и после первых двух страниц обращает на меня свои большие добрые глаза и говорит:

– Это недолго; "Вестник Европы" всегда сокращает романы.

– Хорошо, хорошо. Я буду слушать.

Она продолжала читать обстоятельную историю, выдуманную госпожою Гей, а я смотрю на ее опущенное лицо и не слушаю назидательной истории. И иногда, в тех местах романа, где, по замыслу госпожи Гей, нужно бы было смеяться, горькие слезы душат мне горло. Она оставляет книгу и, посмотрев на меня пронизательным и боязливым взглядом, кладет мне на лоб свою руку.

– Андрей, милый, опять... Ну, будет, будет. Не плачь. Все пройдет, все забудется... – говорит она тем тоном, каким мать утешает ребенка, набившего себе на лбу шишку. И хотя моя шишка пройдет только с жизнью, которая – я чувствую – понемногу уходит из моего тела, я все-таки успокаиваюсь.

О моя дорогая сестра! Как я чувствую цену этой женской ласки! Да благословит тебя бог, и пусть черные страницы начала твоей жизни, страницы, на которых вписано мое имя, – сменятся радостной повестью счастья!

Только пусть эта повесть не будет похожа на утомительное повествование миссис Гей.